

ДЖИМ
Гаррисон

ЗВЕЗДНО-ПОЛОСАТЫЙ
КонтРАКТ

Джим Гаррисон

Звездно-полосатый контракт

Гаррисон Д.

Звездно-полосатый контракт / Д. Гаррисон —

В романе американского автора разоблачается деятельность Пентагона и секретных служб США, создающих в стране атмосферу страха и насилия. Хотя все описываемые в романе события являются литературным вымыслом, они с успехом могут быть отнесены к любому периоду современной истории США, где обычными стали политические убийства – физическое уничтожение неугодных реакционным кругам государственных и общественных деятелей. Роман заинтересует массового читателя.

Содержание

1	5
2	8
3	13
4	18
5	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Джим Гаррисон

Звездно-полосатый контракт

1

Лимузин плавно свернул за угол и медленно проехал двадцать ярдов, затем набрал скорость, принятую при движении в торжественной процессии. На последнем крутом повороте водитель снизил скорость до семи миль в час и, проехав так ярдов тридцать, вновь прибавил ходу.

Послышались выстрелы: два первых прозвучали почти одновременно и слились в один, третий и четвертый раздалось с интервалом в три секунды.

Чучело, находившееся на заднем сиденье лимузина, сползло набок и уткнулось в край сиденья.

Рейнер направил полевой бинокль в сторону места для стрельбы, расположенного по ходу движения лимузина. Холмик, насыпанный справа от грунтовой дороги, как две капли воды походил на поросший травой пригорок на Фоли-сквер.

Макет местности был точной копией существующего городского квартала Канзас-Сити. В нем учтено все: расстояния, повороты, углы. Даже грунтовая дорога у холмика специально углублена, чтобы имитировать спуск по Даллес-стрит в том месте, где она огибала зеленый пригорок.

Рейнер понимал, что Биттмэн справился с порученным заданием. Но в его задачу входило проверить готовность операции. Рейнеру не было известно о существовании запасной группы снайперов, завербованных в Лос-Анджелесе. Ребята же, тренировавшиеся в данное время на полигоне до седьмого пота, прибыли из Майами. Ни одна из групп до последнего момента не знала, будет ли участвовать в операции. Снайперы привыкли не совать нос не в свое дело – весьма ценное качество при отборе участников операции. Парням было лишь известно, что их наняла компания «Мид-сенчури корпорейшн», обосновавшаяся в Чикаго и Лас-Вегасе, что им щедро платили за длительное праздное времяпрепровождение и что, завершив свой «коронный номер», они получают кругленькую сумму. Вот и все, что было известно снайперам, не считая того, что, если они вздумают проболтаться, им уже не жить.

* * *

Макферрин ползком добрался до просеки. Деревья, обеспечивавшие ему прикрытие, встречались все реже. Он залег за молодым дубом и осмотрелся. Перед ним расстилалось поле с высокой травой и прямо за ним – полигон.

Макферрин прижался к земле и стал наблюдать за Биттмэном, опытным оперативным работником. Что касалось человека по фамилии Рейнер, то, вероятно, он занимался у Ундервуда вопросами вооружения и имел доступ к высокому начальству. По крайней мере, к самому генералу. Следуя за Рейнером по пятам после того, как он покинул дом Артура Ундервуда в Джорджтауне,¹ Макферрин и добрался до этих иллинойских лесов.

Колин изготовился к стрельбе.

Одугловатое лицо Рейнера появилось в прицеле.

¹ Район Вашингтона. Местожительство крупных правительственных чиновников. (Здесь и далее примечания переводчика.)

Когда бампер машины поравнялся с первым флажком, Макферрин нажал на спусковой крючок. Послышались первые выстрелы снайперов, и Колин прицелился Биттмэну в висок. Звук разорвавшейся пули слился с отголосками последних выстрелов снайперов.

Рейнер и Биттмэн были убиты наповал. Водитель первым заметил случившееся, выскочил из машины и стал орать на стрелков за холмиком. Снайперы спешно спускались с вышек по лестнице.

Макферрин по-пластунски пополз к лесу. Придерживая винтовку одной рукой, а другой сжимая отстрелянную гильзу, Колин неотступно следил глазами за снайперами, сгрудившимися у безжизненно лежавших тел. Они громко кричали и ругались, явно напуганные и сбитые с толку, готовые разрядить друг в друга обоймы. Прочесать лес никто не догадался.

* * *

Дома Макферрин налил себе виски, добавил льда и наполовину осушил стакан. Затем он прилег на диван, положил ноги на подлокотник и закрыл глаза. Он надеялся немного расслабиться, внутренне ощущая, что вокруг него будто сжимается кольцо, и понимая, что так может продолжаться долго.

Предчувствие, что жизнь может быстро оборваться, буквально поразило Колина. Ведь он был уверен, что навсегда уже расстался с подобными мыслями, с бредовыми идеями, когда одни правительственные учреждения действовали против других, когда одно разведывательное ведомство соперничало с другим.

Боже милостивый, разведки тайно работали одна против другой!

Ему сделалось тошно от этой безжалостной машины насилия новой невидимой разведслужбы, мощь и скрытая сила которой еще не стали достоянием гласности. Даже в самых причудливых интригах, придуманных наиболее одержимыми радикальными маньяками, ничего не напоминало размах, глубину и сумасшедшую архитектуру нового секретного ведомства, занявшего свое место среди властей имущих Америки.

Колин Макферрин знал – и временами ему казалось, что от всей поступающей информации легко можно свихнуться и покончить с собой, – что теперь, когда он стал заниматься этим делом, шансы уцелеть ничтожны.

Отличительным признаком нового американского секретного ведомства являлась скрупулезная, как по нотам расписанная подготовка тайных операций по устранению неугодных лиц, разработанная лучшими специалистами с помощью ЭВМ. Средства массовой информации не имели ни малейшего представления о том, что происходило на самом деле, и совершенно не догадывались о координации сил, которые появились с началом «холодной войны».

Хорошо налаженная машина так разрослась сегодня вглубь и вширь, что введение нового аппарата насилия, протянувшего из центра свои щупальца, фактически осталось событием незамеченным – невероятно, странно и непонятно, поистине сверхъестественно!

Но сейчас Макферрина волновало одно – его собственная жизнь. Он вспомнил Фреда Макомбера, смерть которого уже была свершившимся фактом. Газеты тогда всю трубили о самоубийстве – Фред якобы сам выбросился из окна больничной палаты госпиталя ВМС в Бетесде. Макомбер, блондин-крепыш из ЦРУ, парень с большим будущим, в сорок лет ставший помощником директора Центрального разведывательного управления, по мнению врачей, страдал депрессией и паранойей. И ничто не могло опровергнуть медицинское заключение.

Какая секретная служба ликвидировала Макомбера, Колин не знал. А если бы и знал, разве это могло что-либо изменить? Мужчину в расцвете лет и сил убрали с политической арены. Устранение было выполнено так безупречно, что даже Макферрин, сам опытный специалист-разведчик по тайным операциям ЦРУ, не мог не восхищаться с профессиональной точки зрения.

«Боже милостивый, они убили твоего приятеля, а тебя восхищает их стиль...»

2

Макферрин подъехал к Арлингтонскому кладбищу² с северного входа и поставил машину на стоянку. Взгляду открылся холм, поросший травой. Колин посмотрел на часы; время у него еще было. Он стал медленно подниматься вверх.

Стояла середина июля. Лето в Вашингтоне было в полном разгаре, а здесь, на кладбище, веяло сырой прохладой. Среди зелени виднелись надгробия из белого камня. Огромный сад мертвых – ушедших отцов и сыновей.

Комок подступил к горлу. Что с ним такое, черт побери? Неподвластные эмоции...

Кто из них помнил, почему развязывались войны? Но покойники Арлингтона не могли уже ответить на этот вопрос.

Казалось, Вьетнам был так же давно, как и вторая мировая война. Времена Никсона ушли в прошлое, но стиль его работы привился во многих государственных учреждениях. Вслед за Управлением национальной безопасности – незаметным для большинства американцев – появилось еще более неприметное Управление контроля за безопасностью, а деятельность Федерального бюро расследований дополняет Управление национальной внутренней разведки.

Изменилось ли что после Вьетнама, после Никсона?

«Мало что», – сам себе ответил Макферрин.

Колин медленно брел по кладбищу, всем телом ощущая неослабевающую усталость. Если бы он мог вернуть годы, загубленные на безумную, никому не нужную работу в ЦРУ, годы слежки и травли, смертельной погони... Он, правда, всегда стремился к достижению цели, считая, что таким образом приобретал что-то лично для себя, но вскоре разочаровался. В конечном счете можно сказать, что все, чему Колин Макферрин научился за те потерянные годы, свелось к одному – он стал профессиональным убийцей.

Июльское утро поначалу было жарким, но внезапно подул холодный бриз. Колин услышал шелест листвы на деревьях, посмотрел вверх и увидел, что на летнее небо надвигались тучи.

Впереди показалось деревце дикой смоковницы, а за ним на небольшом холмике Колин увидел надгробный камень, который искал. Надпись на нем гласила: «Уильям Макферрин. 1945–1969». Колин присел и убрал с плиты старые листья. Волна эмоций вновь захлестнула его. А что особенного, если ему захотелось всплакнуть у могилы собственного брата?..

«Ничего, – успокоил себя Макферрин. – Просто с этим связано много воспоминаний».

Колин с трудом заставил себя подняться и направился к могиле Блэкберна.

Макферрин подошел к солдатским захоронениям 1861 года, даты на многих надгробиях уже стерлись. Здесь и находилась могила бригадного генерала Кларенса Блэкберна.

Начал моросить дождик. Колин смахнул с лица дождевые капли и продолжил путь между деревьями.

... Советник президента уже ждал его.

– Неважно выглядишь, – заметил Куиллер.

– Ты тоже, – парировал Макферрин.

Прогремел гром. Фрэнклин Куиллер посмотрел на небо и сказал:

– Остроумием ты никогда не отличался. Поехали отсюда. Моя машина внизу.

Мужчины поспешили к выходу. Дождь усилился, и они пустились бегом. Колин почувствовал, как заныли ноги.

² На Арлингтонском кладбище хоронят военных и крупных государственных деятелей США.

Макферрин познакомился с Куиллером в Йельском университете,³ где после ухода из ЦРУ Колин работал над диссертацией по истории. Куиллер тогда уже был известным ученым, и Макферрин записался в класс профессора, чтобы посещать его занятия по конституционному праву, пользующиеся популярностью у студентов. Они подружились не сразу, поскольку Макферрин не доверял выпускникам «Лиги плюща»:⁴ хорошо одетые молодые люди в галстуках порядком надоели ему за годы службы в разведке.

Фрэнклин Куиллер выделялся среди других преподавателей не только своей мятой спортивной курткой с кожаными заплатками на рукавах. Ученый был личностью незаурядной и казался человеком волевым и чутким. Макферрину нравились рассуждения профессора, было что-то подкупающее в его мечтательной убежденности, будто все болезни американской действительности можно излечить, неукоснительно соблюдая статьи конституции.

Куиллер тогда серьезно уговаривал Колина заняться международным правом и дипломатией. Но Макферрину было уже по горло сыт государственной деятельностью в любой форме.

Фрэнклин Куиллер не оставил преподавательскую деятельность, хотя занимал теперь пост специального советника президента Соединенных Штатов Америки. Он работал в Белом доме и был очень занят, как и другие ответственные сотрудники аппарата президента. И все же раз в неделю Куиллер находил время читать курс лекций по конституционному праву в Джорджтаунском университете. Его лекции посещали видные ученые и политические деятели. Когда же на лекции Куиллера допускались рядовые юристы, аудитория не могла вместить всех желающих.

Макферрин с трудом втиснулся в спортивный автомобиль. Куиллер удобно устроился за баранкой и достал из кармана трубку:

– О'кэй. Давай, Колин, рассказывай.

Макферрин не знал, с чего начать. Он плохо представлял себе, как профессор, искренне верящий, что любую проблему можно разрешить законным и справедливым путем, воспримет необходимость совершения убийства.

Куиллер свернул к парку у национальной обсерватории.

– Ты хочешь, чтобы я радовался случившемуся? Ты ведь знаешь мое отношение к насилию при решении проблемы. Мы против применения силы – не в пример Пучеру и компании, – сказал Куиллер. Он несколько раз затянулся трубкой и, помолчав, добавил: – В то же время, Колин, допускаю, что у тебя не было иного выхода. Не выстрели ты тогда на полигоне – другого случая бы не представилось. А это, видимо, как-то вспугнет Пучера и Ундервуда.

– Верно, – тихо проговорил Колин. – Я тоже так считаю.

– Но, похоже, нам здесь не очень повезло, – продолжал Куиллер.

– Ничто не совершенно, – заметил Макферрин. – Мне было велено следовать за Рейнером и действовать по обстоятельствам.

Слышал ли его профессор? Колин не был уверен в этом. В отношении Куиллера Макферрин не всегда был уверен. Фрэнклин – личность... загадочная. Да, именно загадочная.

– Я сказал, что... – начал Колин, но Куиллер прервал его как ни в чем не бывало:

– Конечно, что касается политических убийств, то Ундервуд здесь – большой мастак. И это в стране, где таких мастаков более чем достаточно. Значит, генерал занимает высокий пост в системе. Но в какой системе? ЦРУ? Однако Артур Ундервуд распростился с разведкой и вышел в отставку несколько лет назад. Использует ли Пучер генерала, чтобы привлечь других сотрудников ЦРУ, или Ундервуд завербован РУМО – Разведывательным управлением министерства обороны? А возможно, и какой-то иной спецслужбой? Теперь о Марке Пучере.

³ Один из крупнейших американских университетов, находится в городе Нью-Хейвен, штат Коннектикут.

⁴ В «Лигу плюща» входят старейшие и наиболее престижные университеты США, куда принимаются преимущественно дети из состоятельных и знатных семей Америки.

Работает ли генерал Пучер на Пентагон и комитет начальников штабов, или на какую-то независимую организацию, или на Разведуправление министерства обороны? И если исходить из нарисованной тобой картины о взаимодействии различных секретных служб у нас в стране, то вполне возможно, что уважаемый нами генерал Ундервуд и не менее уважаемый генерал Пучер на самом деле и не входят в систему, спланировавшую убийство. Правда, может показаться, что главные действующие лица – генералы, и они сами верят в свои роли, а кульминационные сцены тем временем будут разыгрываться за кулисами. Не так ли, Макферрин? Чем тебе не сценарий о деятельности секретных служб?

– Классический пример, – деловым тоном заметил Колин. – Генерал Ундервуд может работать на какую-нибудь одну группу лиц, полностью выделившуюся из первоначально созданной организации. Это, однако, потребует управления операцией на расстоянии и будет весьма дорогостоящим предприятием для любой разведывательной службы. Ведь она спокойно могла использовать своих собственных людей, законно получающих государственное жалование, и знакомых с определенной разновидностью операций данного ведомства. Ундервуду тоже, видимо, не очень нравится выполнять отдельные поручения группы лиц, разработавших план операции. Это означает, что долгосрочные стратегические решения были приняты до того, как выполнение операции вверили генералу. Кто принимал подобные решения? Пучер?

Куилдер пожал плечами, продолжая плавно вести машину.

– Конечно, недостатка в исполнителях никогда нет, когда подобные акции санкционируются крупными политиками, да и финансистами тоже, – заметил советник президента. – Одна лишь информация о том, что намечается убийство президента, дает возможность прогнозировать изменения во внешней политике, которые ранее казались совершенно непредсказуемыми. А сие означает, что в деле уже задействованы не просто миллионы, а миллиарды долларов, такие астрономические суммы, что солидный куш Ундервуду или дивиденды Пучеру выглядят на их фоне просто смехотворными.

– Черт побери, Фрэнк. Ясно, что любая стоящая «контора» скупает акции и играет на бирже на постоянной основе. А если они затеяли какую-нибудь международную заваруху или что-то в этом роде, тут уж они, конечно, не поскупятся. И пособников у них на сей счет найдется больше, чем потребуется. В дело пойдут липовые фонды, подставные корпорации, в общем, все, что твоей душеньке угодно.

Куиллер широко улыбнулся:

– Именно это я и имел в виду, сынок. Теперь ты сам понял, что Ундервуд и Пучер – просто пустышки. Но у нас по-прежнему нет ответа на главный вопрос: кто является организатором предприятия?

Разговор стал утомлять Макферрина, он был слишком заумным. Колину нравился Фрэнк, он действительно благоволил Куиллеру, однако нравоучения профессора раздражали Макферрина, ему просто надоело подыгрывать.

Куиллер проехал здание национальной обсерватории, повернул и направил машину в глубь парка. Дождь усиливался. И хотя Колин открыл окошко, воздух в машине казался спертым.

– Что, если мы начнем с самого простого вопроса? – предложил Макферрин. – Мне не хотелось бы как-то повлиять на ход твоих рассуждений, Фрэнк, но все же давай начнем с вопроса: кому выгодно? Кому выгодно, что бы президента убили?

Куиллер задумчиво и в то же время терпеливо смотрел на Колина, как и подобает профессору, которого студенты в начале каждого семестра атаковали наивными до бесстыдства вопросами.

– Ну, конечно, – спокойным тоном заметил Фрэнклин. – Но не это главное, Колин. Когда речь идет о возможном убийстве президента, то дело скорее не в его врагах, а в его друзьях. А у президента много, очень много друзей.

Макферрин решил, что сейчас ему лучше помолчать. Он ждал неизбежного риторического вопроса профессора и ответа на него.

– А почему, позволь тебя спросить, дело обстоит именно так? – начал Куиллер. – Да потому, что политические убийства коренным образом отличаются от всех других видов насильственной смерти. Обычные мотивы убийства – алчность, ненависть, месть и прочее – можно сразу отбросить в сторону, по крайней мере в качестве основных мотивов. Убийство главы государства неизбежно сопряжено с каким-либо принципом. И тогда тот, кто считает, что руководствуется неким высшим принципом – таким, как национальная безопасность, или другим, под которым он понимает национальную безопасность, – с истинным удовольствием расправится скорее со своим любимцем, нежели с противником. Поскольку, – продолжил советник президента, – когда расправляешься с человеком, которому симпатизируешь, ты тем самым доказываешь, что честно стоишь на страже высших интересов и принципов.

Куиллер не спеша набивал трубку, продолжая вести машину.

– И действительно, что может доставить большее наслаждение для лиц, и так уже наделенных высшей властью, чем преодоление самого себя? Очевидно, нам стоит обратить внимание не на врагов президента, а на его друзей.

– Друзей, которые расходятся с ним в принципиальных вопросах, – несколько небрежно добавил Макферрин, понимая, что от него ждали подобных слов.

– Довольно правильный вывод, Колин. Теперь давай подумаем, кто бы мог быть среди них?

Куиллер театрально развел руками.

Наигранность жеста вызвала у Макферрина отвращение к профессору. Он вдруг возненавидел Куиллера, более того, понял, что ненавидел его всегда. Видимо, испытания, которые выпали на долю Макферрина в лесах Иллинойса, не прошли даром и повлияли на Колина сильнее, чем он думал.

Куиллер в задумчивости покачал головой.

– Колин, ты должен понять, – произнес он. – Никто, Колин, абсолютно никто сейчас не может быть вне подозрения. Ни Дэнфорт, ни я, ни даже сам президент.

– Да пошел ты... – прервал его Макферрин.

Куиллер отвел взгляд:

– Ну что же, сынок. Перейдем теперь к делу. Вопрос в Греции. Президент полон решимости поддержать там народное правительство, а Пучер и Пентагон оказывают давление на президента, чтобы помочь военной хунте снова прийти к власти в Греции. Естественно, вернув к власти греческих военных, США будут больше контролировать страну. Давление на президента мощное. Тут и контроль за ближневосточной нефтью, и Средиземноморье как база шестого флота, и кое-что другое. Обычная история, – закончил Куиллер.

– И все же, кто больше других оказывает давление? – поинтересовался Макферрин.

Колин надеялся, что Фрэнк Куиллер даст ему возможность извиниться, Макферрин устыдился внезапно охватившего его гнева.

– Пучер и комитет начальников штабов, – лаконично ответил специальный советник президента.

– Так мы снова возвращаемся на круги своя! – воскликнул Макферрин. – Пучер и компания не могут заполучить того, что хотели бы, поскольку на их пути оказался Бурлингейм. Поэтому они нанимают генерала Ундервуда, чтобы загнать президента в могилу.

Когда они проезжали Арлингтонское кладбище, Макферрин вдруг рассмеялся. Смех был громким и несколько истеричным.

– Успокойся, – обратился к нему Куиллер.

Колин, однако, продолжал смеяться, не обращая на него никакого внимания.

– Забавно, – наконец заметил он. – Получается, что чистый эффект от всех кувырканий там, в Иллинойсе, черт побери, практически равен нулю. И если, например, кто-то захочет пройти весь путь еще раз и заново спланировать, он может запросто подловить и меня. И я сам сейчас начинаю понимать, что единственный путь для спасения президента заключается в том, чтобы сначала дать прикончить самого себя. Тогда они раскроются, не правда ли? Забавно ведь, Куилл, старина? Стало быть, если хочешь спасти кого-то, надо себя подставить под пулю.

– Спокойнее, – буркнул Куиллер, затем после паузы добавил: – Такое в жизни часто случается, Колин.

3

Макферрин вернулся домой, явно недовольный своим поведением. Колина беспокоило то, что он не мог скрыть своего раздражения, что Фрэнклин оказался неспособным до конца разобраться в событиях, происшедших в лесах Иллинойса. А заунывная лекция, которую прочитал ему профессор, чуть было просто не довела Колина до бешенства.

Все случившееся, начиная с того, что по подсказке Куиллера он напал на след генерала Ундервуда, а вероятно и самого Марка Пучера, и кончая мастерским снайперским выстрелом в Рейнера и Биттмана, могло свести с ума кого угодно. И все же с Фрэнком Куиллером следовало вести себя подержаннее.

После душа Колин переоделся, плеснул в стакан виски, потом передумал и сделал себе кофе по турецкому рецепту, которому научился, выполняя одно из – будь оно проклято – заданий ЦРУ. Он двумя глотками выпил густой кофе и задумался.

Убийство запланировано на август, точнее – на первое августа, когда президент США должен был выступать в Канзас-Сити. Это все, что знал Куиллер и что он сообщил Макферрину. Советник также считал, что в деле могут быть замешаны Пучер и Ундервуд.

Фрэнклин Куиллер предупредил президента, но не смог убедить его.

«В наше время кругом одно безумие», – возразил ему Эдвард Бурлингем.

И тогда специальный советник президента обратился к Макферрину с заданием выследить Ундервуда и Пучера, разобраться, в чем дело, и по возможности найти выход из ситуации. До сих пор все было понятно. Ведь Колин считался одним из лучших агентов, когда работал на ЦРУ, и Куиллеру это прекрасно известно. К тому же профессор был уверен в блестящих способностях и преданности своего бывшего студента. И Макферрин действительно превзошел самого себя. Но его работа еще не завершена.

...Колин набросал план дальнейших действий, затем позвонил Валери. В трубке послышались гудки. Макферрин ждал, пока не досчитал до двадцати.

Валери была нужна Колину, ему надо выговориться именно сейчас, до того, как он снова уйдет в себя.

Проснулся Макферрин около двенадцати ночи. Он лежал на полу у дивана. Неужели он заснул прямо тут? Или задремал на диване и потом уже скатился вниз? Колин не помнил. Тело будто налилось свинцом. Он немного приподнялся на локтях и снова опустил на пол. На него словно нашло какое-то затмение.

Колин вытянулся на ковре и только тогда почувствовал, что в комнате не один. Он мгновенно вскочил на ноги и встал в боевую стойку, готовый отразить нападение.

На диване удобно и непринужденно расположились двое незнакомцев. Гость слева небрежно откинулся на спинку, водрузив ногу на журнальный столик. Другой – огромного роста толстяк – сидел прямо, скрестив ноги.

Макферрин моментально сообразил, что никто из них не мог сразу наброситься на него, не изменив позы. Сидевший справа от Макферрина толстяк надменно улыбался, а второй с безразличным видом развалился на диване. Дуло автоматического пистолета сорок пятого калибра в руках незнакомца было направлено на Макферрина.

– Простите, что заснул и не слышал вашего звонка в дверь, – проговорил Макферрин.

– Не стоит волноваться, – ответил тот, что был меньше ростом. – Мы сами зашли в квартиру.

– Не хотели тебя беспокоить, – добавил толстяк, нагло улыбнувшись.

– Ну, довольно! – отрезал коротышка, пистолетом указав на стул, – Давай пошевеливайся!

Колин, недоуменно пожав плечами, медленно подошел к стулу и сел.

– Что-то не знаю вас, ребята, – заметил он. – Вы кто – свои или нет?

– Клайд, – произнес коротышка, – не пора ли собирать урожай золотых?

Толстяк встал и подошел к телефону. Сложения он был атлетического, пиджак плотно облегал спину. Толстые пальцы спешно набирали номер. Макферрин старался запомнить номер телефона по щелчкам диска, одновременно прикидывая расстояние до непрошенных гостей.

Толстяк доложил кому-то на другом конце провода:

– Говорит Клайд. Он здесь. Хорошо. – Положив трубку на место, бандит сказал: – Он едет сюда.

– Ну и чудно, – ответил коротышка. – А то ведь в бридж без четвертого не сыграешь.

Толстяк громко засмеялся:

– Ну, ты даешь, Бен! – Повернувшись к Макферрину, он ухмыльнулся: – Колин! Где ты заполучил такое похабное имя, малыш?

Макферрин спокойно пояснил:

– Понимаешь, если бы тот парень на небесах, который раздает имена, всех проходимцев называл Клайдами, то...

– Прекрати болтовню, Макферрин! – оборвал его коротышка.

– Да он, оказывается, шутник, – добавил толстяк.

– А ты, толстое брюхо, заткнись! – выпалил Макферрин.

– Колин Макферрин, – заученно, будто внутри него крутилась магнитофонная лента, проговорил коротышка. – Возраст – тридцать два года, родился в Сидар-Рапидсе, штат Айова. Родители – Элис Маршалл и Джон Макферрин. Закончил среднюю школу в Мак-Кинли, три года учился в университете штата Айова. Затем год занятий историей в аспирантуре Йельского университета. Два года служил десантником – «зеленым беретом».

– Как же так получилось, что наш мальчик не добрался до Гарварда? – язвительно вставил толстяк.

– Да чтобы не мешать ошиваться там таким умникам, как ты, – бросил Макферрин.

– Два года служил во Вьетнаме, – продолжал коротышка. – Затем был направлен в Центральное разведывательное управление для выполнения спецзаданий. Когда может, встречается со своей любовницей миссис Валери Крейг, работающей в отделении Управления национальной безопасности в Форт-Миде. Крейг имеет допуск к секретным документам, белая, проживает по адресу: 5340 Гвинетт-стрит, Вашингтон, округ Колумбия. Макферрин начал встречаться с ней, работая в ЦРУ.

– Да заткнись ты наконец! – перебил его Колин.

– Так, так, – отметил толстяк. – Дерзит наш мальчик.

– Спустя пять лет Колин Макферрин ушел из ЦРУ, – продолжил коротышка. – Стал преподавать историю в одном из колледжей штата Пенсильвания.

– Впечатляющая информация, – подытожил Колин. – Но что же эта толстая бочка ничего не добавит? Или у него вместо мозгов одна каша?

– Да он и вправду у нас не больно шустрый, – ответил коротышка. – Ты, наверно, в курсе, что у верзил головы просто гранитные.

– Конечно, – пробурчал толстяк. – Куда мне до этого выскочки профессора Макферрина. Он огляделся и выдал заученный текст:

– Задерживался полицией три раза. Первый раз в Нью-Хейвене, штат Коннектикут, когда учился в аспирантуре йельского университета. Обвинялся в том, что находился в состоянии опьянения. Городской суд снял обвинение за недостаточностью улики. Первое задержание дорожной полицией – в Де-Мойне, штат Айова, за превышение скорости. Оштрафован на двадцать пять долларов. Второй раз задержан в Филадельфии за остановку машины в неподобающем месте. Оштрафован на двадцать долларов.

Макферрин засмеялся:

– Вы, ребята, должно быть, совсем чокнулись. В последних двух случаях задержаниями, черт побери, и не пахло. Это были просто штрафы за нарушение дорожных правил. Именно поэтому вы и ворвались ко мне домой? Вы что, намерены поучать меня за недозволенное поведение за рулем?

– Точно, – заметил коротышка. – Мы как раз намерены тебя кое-чему поучить.

– Состоит членом атлетического клуба Филадельфии, – монотонным голосом перечислял толстяк. – Изредка играет в теннис на кортах городского парка. Место работы в настоящем – колледж штата Пенсильвания, кафедра истории. Получил повышение. Постоянное место жительства: 2736 Монро-стрит, Филадельфия. Любит одиночество. Много читает. Наклонности к гомосексуализму не отмечалось. Ха, ха... В обществах и ассоциациях не состоит, помимо вышеуказанного атлетического клуба Филадельфии.

– Послушай-ка, мальчик! – обратился Макферрин к толстяку. – А ты со своей приятельницей-коротышкой состоишь в каких-нибудь клубах? Скажем, в клубе вязания, шитья или вышивания?

– Продолжай, Клайд. Профессор Макферрин, вы нас действительно позабавили. Отметьте, пожалуйста, мы с Клайдом хотим довести до вашего сведения, что приятно удивлены вашим остроумием.

– Подписка на прокоммунистические издания, – продолжал толстяк, – не зафиксирована. В подрывных организациях не состоит. Цель нынешнего приезда в Вашингтон пока не установлена.

– Нам нужно знать, что ты делаешь в Вашингтоне. Ты мне сейчас расскажешь, малыш, чем здесь занимаешься, иначе я тебя так отделаю, что никто не узнает. И я не шучу, малыш.

– Что вы хотите услышать? – переспросил Макферрин. – Что-то никак не пойму.

Не успел Колин уклониться, как последовал удар колоссальной силы. Голова Макферрина словно раскололась. Когда он пришел в себя, то услышал, как посмеивался коротышка.

– Ну давай, детский сад, подымайся с пола! – пробурчал толстяк. – Дядюшка Клайд действительно хочет вмазать тебе как следует. Подымайся, детский сад! Ну?

Макферрин почувствовал, как его подтянули за ремень, и тут же огромная бетонная глыба врезалась ему в живот. Раздался звук, похожий на удар резинового мяча о каменную стену. Колину показалось, что прошло несколько часов, прежде чем он услышал чей-то вкрадчивый голос:

– Ну давай, соня, подымайся. Подымайся и расскажи, что видел во сне.

Над ним, нагло ухмыляясь, стоял толстяк.

И тогда Колин решил поступить так, как его когда-то учили. Он стал медленно подниматься с пола. Распрямившись почти до конца, Макферрин сложил руки в замок и двинул толстяку в подбородок. Он вложил в удар всю силу. Бандит как-то неестественно откинул голову назад, и Макферрин услышал знакомый хруст.

Толстяк стал медленно оседать. Колин поддержал его и бережно уложил на пол. Затем не спеша придвинул к себе стул и демонстративно достал плоскую металлическую коробочку с сигарами:

– Прошу предъявить служебное удостоверение.

Коротышка пожал плечами и левой рукой полез в нагрудный карман.

– Если это как-то поможет тебе уgomониться, – ответил он. – По крайней мере, ты хоть поймешь, какую кашу заварил.

Незнакомец кинул Макферрину черный бумажник с документами, держа Колина под прицелом, когда тот ловил бумажник.

Макферрин внимательно изучил удостоверение, проверил большую круглую голубую печать Федерального бюро расследований. Документ, похоже, настоящий, и на фотографии действительно был изображен коротышка.

– Итак, ты из ФБР. Так какого черта тебе здесь нужно?

– Да, я из ФБР, и ты бы мог изъясняться повежливее, – не преминул заметить коротышка.

– Да, да, конечно, ты из ФБР, – добавил Колин. – Ты такой же агент ФБР, как я – Иисус Христос.

Он немного подался вперед и выбросил удостоверение в корзину для мусора.

Коротышка в изумлении замер. Лицо его покраснело и перекошилось от гнева. Рука, в которой был зажат пистолет, начала подергиваться.

– Полегче, сестричка, – твердым голосом приказал ему Макферрин. – Возьми себя в руки. Если выстрелишь, навлечешь беду. Если осмелишься разделаться со мной до прихода твоего приятеля, тогда наверняка кончишь тем, что будешь чистить сортиры в самых вонючих кварталах.

* * *

Незнакомец был довольно высокого роста, изысканно одет, серый шелковый галстук выглядел нарядно на фоне белоснежной, отлично накрахмаленной рубашки. При слабом освещении лицо гостя поначалу казалось ничем не примечательным. Выделялся, пожалуй, лишь глубокий короткий шрам на подбородке, а нос явно был когда-то перебит.

Однако, когда визитер подошел ближе к свету, Колин понял, что такого изуродованного лица никогда не встречал – отдельные части словно сместились, а кожа и все, что под ней, казались какой-то аморфной массой, наклепленной на кости. Лицо было, мягко говоря, ужасным и напоминало круто сваренное, пролежавшее целую вечность в холодильнике яйцо, на котором остались лишь узкие щелочки для глаз и рта да маленький горбик, заменявший нос.

Незнакомец бросил на Макферрина пронзительный взгляд, затем небрежно посмотрел на распростертое на полу тело толстяка.

– Что тут происходит? – спросил он голосом, лишенным каких бы то ни было эмоций.

Колин мысленно перебрал все возможные варианты, как обычно перебирают библиографические карточки в библиотеке. Имел ли он дело со специальным подразделением ЦРУ, которое занималось проблемами внутренней безопасности «конторы», или столкнулся с Разведуправлением министерства обороны? С кем же, черт побери, имел он дело? Учитывая, что на поприще разведки подвизалось около двадцати специальных служб, угадать наверняка было просто невозможно.

– Мне пришлось ударить вашего человека, – заметил Макферрин. – Он сам настаивал на этом.

– Господин Макферрин, не стану терять с вами время. Полагаю, вы прекрасно понимаете, в какой переплет попали, нанеся серьезный физический ущерб федеральному агенту. Честно говоря, считаю, что ваше поведение как бывшего государственного служащего и человека, столь хорошо владеющего боевыми приемами, никоим образом не может быть оправдано.

Незнакомец взглянул на свои холеные руки. Он явно не пренебрегал маникюром.

– Лично мне, – вставил Колин, – просто плевать на то, что вы думаете.

Посетитель смерил Макферрина убийственным взглядом:

– Надеюсь, вы не станете отрицать, что я вас предупреждал. Вы убедитесь, Макферрин, что, каким бы смышленным сами себе ни казались, власть имущие все равно намного умнее вас. Каким бы крепким орешком вы себя ни считали, все равно верх будет на стороне власть имущих. Вы убедитесь в том, Макферрин. Хочу, чтобы до вас это дошло. Понимаете меня?

В комнате снова воцарилась тишина. Незнакомец прервал молчание:

– Моя фамилия – Монтэю. Вы хотели взглянуть на удостоверение?

Он достал из кармана документ в черном переплете.

– Разведывательное управление министерства обороны? – переспросил Макферрин, беря в руки удостоверение.

Монтэю едва кивнул в знак согласия.

Колин внимательно изучил документ. Он был подлинным. Из удостоверения явствовало, что Монтэю занимал должность помощника инспектора – довольно высокое звание – в одной из главных разведывательных служб страны.

«Итак, все происходит со мною действительно наяву», – отметил про себя Макферрин.

4

Наиболее отличительная черта местности к югу от Чикаго – резкая континентальность климата, причем с особой силой она проявлялась в графстве Картрайт, где зимой свирепствовал буквально ледяной ветер, а летом досаждал обжигающий зноем воздух.

Однако переменчивая погода никоим образом не влияла на стабильность положения тамошнего шерифа Мелвина Андерсона по прозвищу Слим,⁵ прошедшего вторую мировую войну сержантом в службе снабжения.

Негативное отношение шерифа Андерсона к коммунизму на протяжении многих лет оставалось неизменным, как и вращение Земли вокруг Солнца. Именно такая непреклонная позиция обеспечивала ему непрерывное переизбрание на эту должность, а занимаемый пост, в свою очередь, позволял шерифу удовлетворять его насущные интересы – вести праздный образ жизни.

Андерсон был ярким противником коммунизма, гневно выступавшим против малейшего намека на марксизм-ленинизм, будь то в книгах, в кино и даже – боже милостивый! – в музыке, которую исполняли по радио. Мелвин Андерсон-Слим ненавидел также современных хиппи, этих немых антихристов.

Быть таким выгодно, и Андерсон раз в два года убеждался в своей правоте, когда его переизбирали на новый срок, причем без малейших на то усилий с его стороны. Вместе с тем Мелвин Андерсон все же какое-то время проводил за рабочим столом, поскольку здесь ничуть не хуже, чем где-либо еще, спокойно можно было полистать газету, перекинуться парой анекдотов, не спуская глаз с этих коммунистов, которые могли попытаться прийти к власти в графстве Картрайт.

Так или иначе, шериф безупречно нес службу, ограждая графство от происков коммунистов. И за все годы пребывания Андерсона на посту никто никогда в графстве не признался в принадлежности к коммунистам.

Правда, некоторые из категории недовольных – вы ведь знаете, везде есть такие типы – время от времени бурчали по поводу того, что шериф Андерсон не может найти управу на торговцев контрабандным спиртным. Но, несмотря на отдельные вспышки недовольства, Мелвин Андерсон-Слим прочно занимал свое положение, вновь переизбирался на пост шерифа и получал полномочия следить за порядком в графстве во имя процветания американского образа жизни.

Подобно изменчивой и малообнадеживающей погоде, постоянный и надежный Мелвин Андерсон-Слим являлся типичным продуктом графства Картрайт. Еще мальчишкой он стал заядлым рыбаком, и ни одна рыбешка, водившаяся в реках Канкаки и Ирокурой, не прошла мимо него. Андерсон знал любой уголок графства лучше, чем горожанин свой квартал. А жителей графства Картрайт шериф Андерсон знал еще лучше. И жителям Картрайта шериф был известен как рассудительный человек, стоящий на страже закона и не допускающий его нарушений благодаря своему чрезмерному рвению.

Андерсон-Слим – здоровый, пузатый мужчина с багровым, как у заядлого пьяницы, лицом и крупным носом – в этот жаркий июльский полдень был явно не в духе.

В конторе помимо шерифа находился только его первый заместитель – Сай Хекмэн. Брюки у Андерсона были заправлены в сапоги, а ноги закинута на стол, белая ковбойская шляпа с загнутыми полями валялась в дальнем углу комнаты. Другими словами – все на местах, кроме самого главного – хорошего настроения.

⁵ Прозвище Слим построено на игре значений английского слова, которое одновременно может означать и «худой» и «хитрый».

– Итак, давай прикинем, – задумчиво произнес Андерсон. – В феврале ребята захватили среднюю школу и продержали директора запертым в кабинете три дня. В апреле, точнее, в начале апреля майор с женой отправился охотиться на оленей, и она приняла его за оленя. Затем – в прошлом месяце – трое хиппи буквально ворвались в город, украли в банке пятьдесят тысяч и смылись неизвестно куда. Итак, что нас ждет в ноябре? Веселое время выборов и ничего более.

Шериф рыгнул, закончив мысль, Хекмэн же поежился – в знак согласия.

– А сейчас нам только этого не хватало, – заявил Мелвин Андерсон.

Он снова рыгнул и, выдвинув ящик стола, достал какие-то таблетки.

– Теперь мы по уши в дерьме, – продолжил Андерсон. – В заповедной зоне Донг-Хиля, или, точнее, там, что еще пару дней назад считалось заповедником Лонг-Хилл. Естественно, подобная чертовщина должна была случиться именно в той десятой части заповедника, которая как раз и входит в наше графство, а не в обширных лесных угодьях, принадлежащих графству, где шерифом работает Эдди Швенкер. У Эдди Швенкера вообще никогда ничего не происходит. Даже птички над чертовой территорией Эдди Швенкера только и знают, что поют, стоит же им перелететь к нам, как они тут же испражняются. Но все равно, в любом случае мы имеем сейчас дело с тремя трупами, возникшими неизвестно откуда на территории нашего графства. Один из них убит прямым попаданием в голову, адрес его в Балтиморе оказался вымышленным. Второй также убит прямым попаданием в голову, адрес в Мемфисе, как выяснилось, тоже был липовым. И еще остался третий, о котором вообще ничего не известно. Я правильно говорю, Сай?

– Да, сэр, – ответил первый заместитель шерифа. – Все именно так и есть.

– Благодарю тебя, Сай. Вдобавок ко всему криминальные эксперты графства Кук здорово «помогли» нам. Криминалисты, как ты знаешь, сообщили, что, хотя у тех двоих и прострелены головы, ни у одного не обнаружено самой пули. Только какие-то мелкие металлические осколки. Верно?

– Совершенно верно, – подтвердил Хекмэн.

Андерсон буквально заглотнул целую горсть таблеток.

– И что же дальше! – воскликнул шериф. – Тогда мне пришла гениальная мысль, лучшая за всю мою долгую службу! Делом должны заняться федеральные власти, поскольку заповедник Лонг-Хилл является федеральной собственностью. И тогда так просто, на всякий пожарный случай, я навел справки в архиве графства, и выяснилось, что проклятое федеральное правительство Соединенных Штатов Америки восемь месяцев назад продало часть заповедника, которая как раз находится в моем графстве. Стало быть, теперь это – моя проблема, черт побери! Как называется та контора, которой они продали наш лес, Сай? Как она называется?

Его подручный, прицокивая языком, закатил глаза к небу и произнес:

– Фонд охраны живой природы.

– Вот, вот, – повторил Андерсон. – Именно так. Замечательно, не правда ли? Фонд... – как его там – да пошли они все!.. Этот фонд заботится о природе гораздо лучше, нежели о людях. Настолько хорошо, что вообще не существует! Никто о нем никогда и не слыхивал ни у нас, ни в соседних графствах. Фонд нигде не зарегистрирован, поскольку он – фиктивный. Проку от него никакого, одна лишь головная боль. Ну и что? Стоит ли так расстраиваться? – задал шериф риторический вопрос. – Он взглянул на своего заместителя и продолжил: – Наступит понедельник, и мы позвоним в Спрингфилд и все выясним о злосчастном фонде. И еще, пожалуй, получим кое-что от ФБР. Послушай, Сай, черт побери, стоит ли Андерсону-Слиму тратить нервы из-за какой-то чепухи?

Шериф проглотил еще несколько таблеток и, медленно разжевывая их, о чем-то задумался.

– Дерьмо! – выругался он, немного помолчав. – Ни черта мы от них не получим! Можешь записать это черным по белому. Ни в понедельник, ни в субботу мы ничего так и не узнаем. Да, кстати, сегодня как раз суббота. Вот так-то, Сай, мой мальчик.

5

Артур Ундервуд пригубил виски с содовой и в целом остался доволен напитком.

Генерал никогда ничего не записывал и не позволял делать это своим ближайшим помощникам. Но по меньшей мере раз в день Ундервуд имел обыкновение прослеживать план намеченных действий. Что касалось работы, то тут генерал был неумолим и не терпел пренебрежения к незначительным деталям.

Именно поэтому комитет начальников штабов и не отправил его в отставку. Ибо никто другой, кроме Артура Ундервуда, не мог столь тщательно и скрупулезно планировать операции. Это было прекрасно известно Марку Пучеру, да и другим членам комитета начальников штабов не хуже. Все они отлично знали, что лучше генерала Ундервуда им никого не найти. Поскольку он был мастером своего дела!

Тем не менее, подводя итоги дня, Ундервуд был несколько разочарован тем, что сотрудник Рейнер не вышел в установленное время – до отлета генерала из Канзас-Сити – на связь по телефону. Задержка вряд ли должна была беспокоить военного, поскольку Рейнер считался верхом пунктуальности. С другой стороны, если Рейнер остался не совсем удовлетворен ходом тренировочных испытаний, то он – и тут можно не сомневаться – постарается во что бы то ни стало добиться совершенства в мелочах, рискуя даже пропустить обусловленный ранее сеанс связи с шефом, который, если говорить по большому счету, в данном случае не имел существенного значения.

Генерал заказал себе третью порцию виски. Впереди его ждало Майами. Превосходно. Сияние солнца и работа. Канзас-Сити остался уже позади. Прекрасно. У него чудесные друзья и отличная работа.

В задачу генерала Ундервуда, как всегда, входило создание нужной декорации, распределение ролей между актерами и... прогон всего спектакля, именно прогон – какое точное выражение, принятое в театральных кругах!

Хорошая у него была работенка, просто чудесная! Вдобавок ко всему подчиненные величали его «хозяином». Да, да, именно «хозяином». Интересно, называли ли они его так и теперь? Ну, конечно, куда им деться. Вероятно, кое-кто из его прежних коллег решил удостоить его каким-нибудь более почетным титулом. И совсем не исключено, что правительственные сановники уже воздали ему должное как искуснейшему военачальнику. Возможно, у них хватило даже воображения назвать его «Черным принцем».⁶

Конечно, самому генералу такое прозвище польстило бы, однако было бы глупо ожидать от них этого сейчас, когда история еще не вынесла свой приговор. Ведь потребуется по меньшей мере лет сто для серьезных научных исследований, чтобы должным образом по достоинству оценить его гениальность как крупного военачальника. Да, не раньше. И уже тогда-то генерала с полным правом можно будет окрестить «Черным принцем»!

Вопрос. Ну, хорошо. Теперь меня интересует, чем Ундервуд занимался в Канзас-Сити? Как удалось там поработать?

Ответ. Отлично, без сучка и задоринки. Все прошло гладко, спасибо.

В. С кем у него были контакты в Канзас-Сити?

О. Генерал довольно много времени провел с человеком, который, насколько я понимаю, контролирует всю работу в Канзас-Сити.

В. Значит, связной. Связной с лицами, действующими в Канзас-Сити?

⁶ «Черным принцем» называли Эдуарда, принца Уэльского, прославленного военачальника, отличившегося на первом этапе Столетней войны. Прозвище «черный» получил по цвету лат.

О. Полагаю, что так. Следующим в цепочке стоит Рейнер, по крайней мере, когда он навещает Канзас-Сити. Именно Рейнеру поручено руководить размещением в Канзас-Сити группы или групп снайперов. Точнее говоря, по всем данным, первая группа должна появиться либо из Майами, либо из Чикаго, либо из Лос-Анджелеса. Однако пока нельзя понять, какая из групп – главная и где эти люди в настоящий момент скрываются.

В. Но доподлинно известно, что местом проведения акции выбран Канзас-Сити и связной руководит сейчас всем, что там происходит. Верно?

О. Верно. Кое-что прояснилось о Дули.

В. Дули?

О. Ну, подсадная утка. Тот, кого они величают «Зеро». В общем, приманка.

В. Ну, ну, понятно. Некто Билли Джо Дули.

О. Правильно. Но я имею в виду не настоящего Дули. Настоящий Дули находится либо где-то в Майами, либо в Форт-Уэрте, точно мне не известно. Речь идет о двойниках Дули, они шатаются по стрелковым клубам и по тирам Канзас-Сити и поражают всех своей меткостью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.